

Научная статья

УДК 82-6

DOI 10.17223/18137083/93/8

**Две Веры в творчестве Б. К. Зайцева:
к проблеме художественной рецепции писателя**

Чжан Юйвэй

Чжэнчжоуский университет

Чжэнчжоу, Китай

kesainiya16@yandex.com

Аннотация

Анализируются мемуарные повести Б. К. Зайцева «Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет», созданные писателем на основе переписки Веры Николаевны Муромцевой-Буниной и Веры Алексеевны Зайцевой. Посредством герменевтического метода реконструируется возможное понимание Б. К. Зайцевым переписки двух подруг. Примечания писателя, его размышления, дополнения к письмам способствуют органическому сочетанию документальности и литературности двух повестей, расширяя жанровый диапазон мемуаров и придавая мемуарной прозе Б. К. Зайцева синкретический характер и продуктивный потенциал для повествования. Освещение переписки двух Вер становится для Б. К. Зайцева не только памятью о них, но и своего рода беседой с самим собой, обращением к своей памяти о прошлом.

Ключевые слова

Б. К. Зайцев, мемуарная повесть, Вера Бунина, Вера Зайцева, художественная рецепция

Для цитирования

Чжан Юйвэй. Две Веры в творчестве Б. К. Зайцева: к проблеме художественной рецепции писателя // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 106–118. DOI 10.17223/18137083/93/8

**The two Veras in the works of Boris Zaitsev:
on the problem of the writer's artistic reception**

Zhang Yuwei

Zhengzhou University

Zhengzhou, China

kesainiya16@yandex.com

Abstract

This paper presents the analysis of Boris Zaitsev's memoir novels "The Tale of Vera" and "Another Vera. The Tale of Bygone Years" created based on the correspondence between

© Чжан Юйвэй, 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 106–118

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 106–118

Vera Nikolaevna Muromtseva-Bunina and Vera Alekseevna Zaitseva. A hermeneutic approach is used to reveal the reconstruction of the letters exchanged between the two women. A comparative analysis of the novels identifies the shared themes that preoccupied both correspondents and explores the reasons behind their enduring epistolary dialogue in exile. The key distinction between the two works is determined to be the degree of Zaitsev's authorial presence. In "The Tale of Vera", he assumes an active narrative role, frequently interjecting with commentary, while in "Another Vera. The Tale of Bygone Years," his voice recedes into the background, emerging only when necessary to ensure textual coherence and concision. Zaitsev's comments, reflections, and complements to the letters create an organic fusion of documentary and literary elements, expanding the generic boundaries of memoir writing and endowing his prose with a syncretic quality that enhances its narrative potential. For Zaitsev, compiling the correspondence of the two Veras serves not only as an act of commemoration but also as a means of engaging in an internal dialogue with himself and with his own past.

Keywords

B. K. Zaitsev, memoir novel, Vera Bunina, Vera Zaitseva, artistic reception

For citation

Zhang Yuwei. The two Veras in the works of Boris Zaitsev: on the problem of the writer's artistic reception. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 4, pp. 106–118. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/8

Творчество Б. К. Зайцева (1881–1972) характеризуется различными художественными методами и жанровым многообразием, особенно когда речь идет о его мемуарной прозе, например о «Повести о Вере» (1967) и «Другой Вере. Повести временных лет» (1968). В обеих повестях на одном уровне стоят биографические источники, личные письма, литературные портреты, художественные поиски писателя и т. д., что осложняет проблему несоответствия реального мира и мира произведения с ярким биографическим характером, а также заостряет художественную рецепцию Б. Зайцева, выдвигая его субъективное восприятие прошедших событий и близких ему людей на первый план.

Стоит разделить понятия автобиографии и мемуара. Безусловно, в целом они обладают документальностью как доминирующим элементом. Г. Г. Елизаветина утверждает: «В отличие от мемуаров автобиография – рассказ не столько об исторических событиях, сколько о собственном жизненном пути» [Елизаветина, 1982, с. 243]. В автобиографическом романе писатель стремится восстановить целостность своего «я», свой пройденный путь и становление себя как личности. А мемуары как художественное целое характеризуются неоднородной организацией. Они «определяются как сложная структура, в которой соединяются элементы лирической повести, биографического повествования, литературного портрета или некоторые другие» [Колядич, 1998, с. 8]. Таким образом, диапазон характеристик мемуаров шире характеристик автобиографических произведений.

Однако среди множества признаков мемуара как жанра отличительным все же является автобиографическое начало. Т. М. Колядич замечает: «Основным качеством мемуарной прозы следует считать "присутствие" в структуре произведений автобиографических элементов. С оформлением этого качества в литературе и связано само появление мемуаристики как самостоятельного образования в системе прозаических жанров» [Там же, с. 8–9]. Другими словами, наличие элементов автобиографии определяет границу между мемуаристикой и художественной прозой. Это подтверждает и Дж. Баррингтон: «Вообще при создании мемуаров и художественной прозы фантазия играет свою роль, но в мемуарах эта роль

зависит от фактов, а в художественной прозе – от степени веры читателя» [Баррингтон, 2014, с. 12]. Недаром воспоминания, жизнеописания, дневники, письма часто используются как документальные данные, ведь в их основе лежат жизненные факты.

Интересно, что восприятие автобиографии, воспоминаний и писем как самостоятельного целого у китайских и российских ученых различается. В Китае полагают, что к «периферии автобиографии» относятся личные записи, такие как переписка, дневники, путевые очерки, а в «суб-автобиографию» прежде всего входят воспоминания и записи устных высказываний [Ян Чжэнжун, 2009, с. 355, 417]. Иначе говоря, воспоминания и письма включены в категорию «автобиографии», что обуславливается их общей документальностью. А российские исследователи относят письма, дневники, воспоминания и т. п. к объемному понятию «мемуаристика», признавая жанровую самостоятельность таких форм, как «письмо» и «дневник» [Колядич, 1998, с. 48–67; Кознова, 2011, с. 27–32], при этом отмечают, что мемуары занимают промежуточное положение среди разнообразных видов литературы. А «тяготение писателей к многообразию жанровых форм именно в пределах мемуарной литературы объясняется <...> с одной стороны, синтетической природой жанра, а с другой – стремлением писателей найти собственные формы, чтобы предельно выразить себя» [Кириллова, 2019, с. 28].

Кроме жанрового определения, в понятии мемуаристики важен и вопрос о соотношении между фактом и художественностью. З. Н. Чукуева отмечает: «Мемуарный сюжет <...> концентрируется вокруг неподдельных фактов, при этом субъективность показа, очевидное присутствие автора, его угла зрения придают тексту художественность» [Чукуева, 2020, с. 44]. Значит, реальные факты и субъективное начало автора сосуществуют в пространстве мемуаристики. Китайские исследователи определяют прозу документального типа все же как «биографическую», а не «мемуарную», но особо выделяют литературные описания в произведениях такого рода, даже считают, что «литературные описания <...> должны быть одним из необходимых элементов в творчестве биографической литературы» [Ван Чэнцзюнь, 2016, с. 83].

Хотя имеются различия в понимании автобиографии и мемуаров в Китае и России, нетрудно найти и общие подходы к изучению художественной прозы с биографическим характером, а именно акцент на способе повествования автора, т. е. его художественной рецепции документальных материалов. А. Б. Николаева считает: «Личность конкретного человека как субъекта деятельности и как субъекта собственной жизни становится основой любого биографического произведения» [Николаева, 2018, с. 30]. Собирая и соединяя документальные источники в последовательное целое, автор осмысляет их, «что дает основание для выделения в таком тексте автокоммуникации» [Романов, Кучерова, 2023, с. 315]. Автор ведет внутренние диалоги, он одновременно и рассказчик, и персонаж, может быть, и исследователь, дающий оценку и определение описываемого им самим.

Разделяем точку зрения А. Б. Николаевой о том, что «важной чертой герменевтического знания является осмысление жизненного мира индивида, что оказывается главной особенностью биографического жанра. <...> феномен герменевтического метода может привести к формированию биографического опыта» [Николаева, 2018, с. 30–31]. В романе-автобиографии или мемуарах автор осмысляет события, произошедшие когда-то вокруг него, выдвигая свое субъективное начало, так что предполагается использование герменевтического метода для анализа произведений биографического характера, включая мемуаристику.

Серебряный век русской литературы ознаменован не только расцветом модернизма, синтезом искусств, но и появлением различных групп писателей и поэтов, одной из которых является группа писателей-эмигрантов. Хотя под определение «эмигрантская литература» подходят произведения самых разных литераторов, которые отличаются по стилю и художественному методу, но во всех них представлена ностальгия после эмиграции, так что воспоминания о прошлом становятся общим тоном и темой творчества эмигрантских писателей: «Ностальгическая память об оставленных “других берегах” поддерживала в изгнанниках стремление сохранить в инокультурном окружении русское национальное самосознание, и мемуаристика заняла едва ли не ведущее место в русской зарубежной литературе» [Шендерюк, 2018, с. 376]. В этом смысле очень показательно творчество Б. К. Зайцева, создавшего в эмиграции немало биографических произведений, посвященных знакомым ему людям и событиям.

Мемуарные повести Б. К. Зайцева «Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет» относятся к эмигрантскому периоду творчества писателя. Они созданы на основе переписки жены И. А. Бунина, Веры Николаевны Буниной (1881–1961), и жены Б. К. Зайцева, Веры Алексеевны Зайцевой (1878–1965). Известно, что Ивана Бунина и Бориса Зайцева связывала долгая дружба, но затем они отдалились друг от друга. Дружба же их жен началась еще в конце XIX в., до знакомства Б. Зайцева с И. Буниным, которое состоялось в 1902 г., когда Б. Зайцев стал членом литературного кружка «Среда» [Зайцев, 2005, с. 117]. И. Бунин со своей будущей женой познакомился на вечере именно в доме Зайцевых. А визу в Париж из Германии Б. Зайцев получил с помощью И. Бунина [Там же, с. 118].

Семьи Буниных и Зайцевых поддерживали близкую дружескую связь. Это хорошо видно из писем двух Вер, сохранившихся у Б. Зайцева после кончины подруг. «Повесть о Вере» состоит в основном из писем Веры Буниной к Вере Зайцевой с 1925 по 1949 г., а «Другая Вера» – из писем Веры Зайцевой к Вере Буниной с 1922 по 1937 г. Важность их переписки «для изучения взаимоотношений двух крупнейших писателей эмиграции», Б. Зайцева и И. Бунина, Е. Р. Пономарев видит в том, что «то, что не проговаривается в мужской переписке, договаривается в дублирующей ее женской» [Пономарев, 2021, с. 209, 216]. А относительно художественного метода писателя Е. Ф. Дудина отмечает, что, «введя в повествование портретные описания, комментарии, размышления, воспоминания, оценку того или иного события, Б. К. Зайцев превратил бытовой документ-письмо в литературный факт» [Дудина, 2020а, с. 67]. Другими словами, повести Б. Зайцева, созданные на основе переписки двух Вер, вышли за рамки документальных источников, чему в большой степени способствовали воспоминания автора, оформленные в виде примечаний и дополнений к содержанию писем. А «включение эпистолярного жанра в мемуарный метажанр дополняет художественные возможности мемуарной прозы в сохранении информации о прошлом, усиливая ее документальную значимость» [Кознова, 2011, с. 32]. Можно сказать, что «Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет» относятся к ряду жанрового синкретизма, в котором воспоминания, личные письма и литературный портрет органически соединяются и эксплицируются.

Благодаря соединению переписки подруг и воспоминаниям Б. Зайцева повести о двух Верах не только показывают характеры героинь, но и восстанавливают облик времени, изображая Россию до революции и после установления советской власти, а также разных лиц русской эмиграции первой волны XX в. Сопоставляя

«Повесть о Вере» и «Другую Веру. Повесть временных лет», отметим общее: воспоминания, сочувствие и религиозную веру, которые вплетаются в пространство переписки двух Вер, а также наличие сквозных тем – «бытовой темы» и темы о «происходящем в Москве» [Пономарев, 2021, с. 213]. Главное отличие между этими двумя повестями заключается в форме повествования. В «Повести о Вере» Б. Зайцев прямо цитирует и делает ссылки на письма Веры Буниной, написанные в большинстве случаев к Вере Зайцевой (но иногда и к Борису Зайцеву), чтобы реализовалась целостность повествования; а «Другая Вера. Повесть временных лет» состоит из самих писем с реквизитами этой формы переписки, такими как дата и место, выделенные курсивом справа в самом начале письма, обращение к адресату, поздравления, подпись адресанта в конце письма и т. д., которые снабжены комментариями писателя.

Повесть о Вере Буниной начинается с описания родителей героини и их отношения к избраннику дочери. В это время будущая жена Б. Зайцева, Вера Орешникова, уже была знакома с Верой Муромцевой, будущей женой И. Бунина. Интересно, что те времена Б. Зайцев называет «незапамятными», «доисторическими» и «легендарными» [Зайцев, 1999, с. 373]¹. Эти определения, с одной стороны, придают тексту повести поэтичность, а с другой – подчеркивают большое по времени расстояние между автором и тогдашними событиями: в глазах Б. Зайцева все это уже ушло в далекое прошлое, а «пачка писем в руках писателя – это символ памяти, который воскрешает прошлое» [Дудина, 2020а, с. 67]. Б. Зайцев подходит к письмам двух Вер с тем чувством, что события, происходившие вокруг них в их молодости в России, давно стали историческими, и теперь никак их не восстановить в реальности. Читая письма Веры Буниной, Б. Зайцев часто вспоминает о прошлом и грустит о безвозвратно уходящем времени: «<...> опять замолганный голос Веры, не без волнения вписываю эти строки, отзвук давнего эмигрантского бытия, свидетелем коего из нашего писательского сословия чуть не я один и остался» (с. 388).

Б. Зайцев также описывает, как возникла дружба двух Вер и как познакомилась Вера Муромцева с Иваном Буниным. Ведь по традиции домашнего образования Вере Муромцевой была чужда богемная культура, именно Вера Зайцева ввела ее в этот круг, и в доме супругов Зайцевых Вера Муромцева познакомилась с Иваном Буниным. Об этом знакомстве рассказала Вера Муромцева-Бунина в книге «Жизнь Бунина. Беседы с памятью» [2019]. Б. Зайцев ссылается на слова героини как на документальные данные, которые представлены в вышеупомянутой книге, и переходит к собственному повествованию об истории знакомства Веры Муромцевой и Ивана Бунина. Из слов Веры Муромцевой-Буниной чувствуется, что эта встреча с Буниным-писателем для нее была совсем неожиданна: «<...> никакого предчувствия у меня не было, что в этот вечер наметится моя судьба», «Я никогда не хотела связывать своей жизни с писателем», «Писатели интересовали меня, но я их сторонилась» [Там же, с. 285].

Как близкий знакомый Веры и Ивана Буниных Б. Зайцев делает много предположений об их судьбах, например он полагал, что, если бы в жизни Веры Николаевны не появился Иван Алексеевич, она могла бы стать ученым. Прежде чем привести письма Веры Николаевны, Б. Зайцев выражает свое мнение о прошлом Буниных, не только о Вере, но и о самом Иване: «Да, в ней была, конечно, склад-

¹ Далее произведения Б. Зайцева цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

ка основательности и усердия – не появившись на перекрестке Иван Бунин, вышел бы, может быть, из нее ученый-исследователь. (Сама же она всегда очень боялась, как бы не сочли ее синим чулком.) Но Иван появился. Было ему тогда тридцать шесть лет – изящный, худенький, с острой бородкой, боковым пробором, читал у нас стихи свои и зачитал Веру» (с. 374). В рассказе об истории знакомства Веры и Ивана Буниных отмечается вера Б. Зайцева в судьбу.

Что касается жизни Буниных в эмиграции, Б. Зайцев ее описывает лирически: «Иван любил, чтобы было “окружение”, да и правда, в Грассе, в прекрасном, но все же захолустье, близкие по складу внутреннему, с оттенком ученичества литературного, особенно являлись ценными: свой уголок, Россия, младшее поколение в чужой стране. <...> Жизнь шла и мирно будто, но и сложно внутренне» (с. 376). В это «окружение» входили также Галина Кузнецова и Леонид Зуров, в принятии которых как «младших», «детей» Вера Бунина видела «единственную возможность создать подобие доброй семьи и сохранить мир в доме» [Литературное наследство, 2019, с. 355].

Комментируя письма двух Вер, Б. Зайцев как бы участвует в диалогах подруг. Например, Вера Бунина пишет: «Да, эти полгода, вернее год, можно считать за двенадцать лет, месяц за год» (с. 378). Далее следует пояснение Б. Зайцева: «Определенно тут ничего сказать нельзя. Но впечатление такое, что обе подруги пережили за это время нечто нелегкое и глубокое – это тайна их сердец» (с. 378). Что-то непонятное оставляет у Б. Зайцева легкую печаль, что же именно – для него неважно, важно, что две подруги в это время страдали, а он это «поймал» при чтении их писем. Действительно, в 1926–1927 гг. произошли сильные изменения в жизни и душевном мире Веры Буниной: «Начало романа Бунина с Кузнецовой совпало с первым приступом желчнокаменной болезни В. Н. Буниной (26 августа 1926 г.), что привело к операции в январе 1927 г. и длительному восстановлению <...>. С тех пор она считала главным в своей жизни служение своим близким, в котором ей виделось ее предназначение и служение Богу» [Литературное наследство, 2019, с. 355].

Через год после написания «Повести о Вере» Б. Зайцев закончил повесть о своей жене, в которой письма Веры Зайцевой к подруге за 1927 г. полны печальных сведений о безденежной жизни на чужбине, об уничтожении могилы ее сына Алеши (пасынка Б. Зайцева), о безвыходном положении родственников в Москве... При этом в двух подстрочных сносках, добавленных Б. Зайцевым, также упоминается тяжелое состояние Веры Буниной: «Дело идет, по-видимому, о чем-то очень тяжелом для Веры Буниной», «Явное указание на горестные сердечные переживания Веры Буниной» (с. 415–416). Таким образом, своеобразное участие в переписке двух Вер позволяет Б. Зайцеву вести разговор со своей памятью.

В эмиграции человеку трудно начинать новую жизнь, еще труднее устраиваться в чужой среде. Переписка с давними знакомыми, которые попали в такое же положение, очень помогает выживать, получая душевную поддержку. Две Веры в письмах делятся бытовыми проблемами, жизненными трудностями и горестями, своими мыслями о событиях в эмиграции и в России. Испытывая взаимное сочувствие, они были близки и в религиозной вере. Вера Бунина пишет: «Я не могу сказать, чтобы чувствовала себя плохо. Конечно, тон моей души сейчас грустный, но даже не за себя, а за мир. Как люди портят все, что имеют, и даже не получают никакой радости за эту порчу. Все происходит главным образом потому, что жизнь наша не проникнута религиозным сознанием, что мы не умеем вовремя

сдержаться» (с. 378). Кстати, в этом письме не указана дата его написания, Б. Зайцев с учетом своего жизненного пути предполагает, что оно могло быть написано в 1927 г., когда он вернулся с Афона. Собирая переписку двух Вер, Б. Зайцев вспоминает свою жизнь, восстанавливает детали не только своей биографии, но и биографии своих близких, например И. Бунина. Из писем двух Вер и комментариев Б. Зайцева мы видим, как И. Бунин ждал Нобелевскую премию и как складывалась его жизнь в эмиграции, хотя все это разбросано в бытовых диалогах подруг. На первый взгляд мы имеем дело с перепиской двух Вер, а оказывается, узнаем о жизни двух семей и об их окружении.

Помимо горестей и страданий Вера Бунина в письмах делится с подругой опытом преодоления негативных эмоций на чужбине: «Главное, собери себя с самого начала и не распускайся дома, лучше уходи к близкой душе. А дома держись. Я, по крайней мере, изо всех сил бодрюсь со своими. Предпочитаю написать письмо и в письме поговорить о том, что на душе, чем говорить со своими, ибо тут легко перейти меру, а письмо все же ограничивает» (с. 384). Эти слова объясняют, почему переписка двух Вер продолжалась двадцать с лишним лет. Переписка близких по духу помогает перенести тоску по родным и преодолеть жизненные трудности в эмиграции. «Переписка с В. Н. Буниной – это не просто душевный разговор подруг. Это разговор о самом сокровенном, духовном, о том, чем не всегда можно поделиться с родными, но можно выразить в письме» [Дудина, 2020б, с. 69]. Действительно, Вера Зайцева видит смысл и необходимость их переписки в душевной открытости и близости. Она так пишет в своем письме к подруге: «Веруня, меня всегда страшно трогают твои письма – до того близка и дорога ты – как никто сейчас, и я мысли не допускаю, что мы не увидимся» (с. 400).

К слову сказать, уже отмечается «подлинный эпистолярный талант» Веры Буниной [Бахрах, 1979, с. 133]. Из новых опубликованных материалов, связанных с И. Буниным, выделяются письма Веры Буниной к мужу И. Бунину, к Г. В. Адамовичу и Т. М. Ландау [И. А. Бунин..., 2004; Литературное наследство, 2019]. Эти письма раскрывают личность И. Бунина и его эпоху.

Роль Б. Зайцева как рассказчика в соединении писем Веры Буниной в органическое единство особенно ясна. Иногда он высказывает свое мнение о содержании писем: «Вера права. Лодыженский был достойнейший человек. В свое время был близок с Чеховым. В письмах Чехова есть прелестные, шуточно-дружеские строки о нем. Мы с моей Верой очень любили и почитали его» (с. 382). Иногда он объясняет контекст, чтобы читателю было легче понять, о чем идет речь в письме: «Из дальнейших строк письма Веры ясно, что в частном богатом доме в Париже устраивался какой-то вечер в нашу пользу – играли в покер. Моя Вера была, видимо, этим смущена» (с. 382).

Можно сказать, что задачей Б. Зайцева при работе над повестями является не только соединение переписки двух Вер, но и размышление об их содержании. «В начале октября обычные взаимные приветствия подруг (именины). Но в письме от 8 ноября тон иной» (с. 385). Далее Б. Зайцев рассказывает о получении И. Буниным Нобелевской премии в 1933 г., о том, как русские эмигранты радуются этому событию и, самое главное, как воспринимает все это Вера Бунина. В своих размышлениях по поводу описанного в письмах Б. Зайцев говорит о характере подруги: «Да, разница с Грассом, где иногда не хватало десяти франков, немалая. Но надо сказать, что Вера, вообще говоря, была бессребреницей, ее радовал, конечно, успех Ивана, но никакого тяготения к роскоши, блеску в ней

не было», «Вообще беспокойства и страдания из-за других весьма для Веры характерны, и хоть хотелось ей иногда слыть гетерой, к гетерству это нисколько ее не приблизило», «Кроме природной доброты и отзывчивости, была у нее и “профессиональная” какая-то черта: ей нравился артиллерийский огонь по богатым еврейским домам (дай Бог им здоровья – главная наша опора в таких начинаниях). Ускользнуть от Веры было трудно: с не-гетерской основательностью собирала она адреса» (с. 386–388). Здесь речь идет о сборе денег для Н. А. Тэффи, которая попала в тяжелое жизненное положение в эмиграции. Именно по этому поводу Вера Николаевна написала письмо Б. Зайцеву, прося его о помощи. А Б. Зайцев публикует это письмо, чтобы снова проиллюстрировать Верину доброту.

Переход к разговору об Иване Бунине обычно начинается с писем Веры Буниной. Б. Зайцев развивает мысли подруги и затрагивает вопрос о личности И. Бунина. Что касается тяжелого положения И. Бунина в последние годы жизни в эмиграции, Б. Зайцев считает, что «в этой ссоре полуживого Бунина с эмиграцией главным “страдательным залогом” оказался он сам», а ему самому «горестно вспоминать все это и не хочется вновь переживать» (с. 392). Выражение «страдательный залог» не раз используется Б. Зайцевым для описания отца Веры Буниной, Николая Андреевича, «тихого, благообразного и безответного человека», который «служил по Московскому городскому управлению» (с. 373). Здесь в выражении «страдательный залог» Б. Зайцев подразумевает сложное и даже противоречивое положение И. Бунина в эмиграции. Несмотря на широкую известность писателя, его несомненный талант, он видел и равнодушие, недоразумение окружающих, что вызывало у И. Бунина настоящие страдания.

А. Бахрах подробно объясняет историю ссоры между И. Буниным и Б. Зайцевым, произошедшую в 1947 г. и вызванную выходом И. Бунина из парижского Союза русских писателей и журналистов. Исследователь считает, что «трудно судить, кто в происшедшей ссоре прав, кто виноват и есть ли тут вообще правые и виноватые» [Бахрах, 1979, с. 123]. Печальная грусть и сожаление чувствуются не только в повести Б. Зайцева о Вере Буниной, но и в его беседе с Т. Николеску в 1970 г.: «<...> в голосе рассказчика звучала безмерная грусть об утрате друга и глубокое мудрое сожаление о том, что житейские бури развели их» [И. А. Бунин..., 2004, с. 358].

Обе Веры верны своим мужьям, возможно, поэтому они перестали писать друг другу после того, как их мужья поссорились. К тому же война в 1940-е гг. не способствовала их частой переписке. Однако дружеские отношения подруг, начатые еще в их молодости, оставили в душе каждой из них неизгладимый след. Паралич Веры Зайцевой в 1957 г. поразил Веру Бунину. В письме от Г. В. Адамовича за 17 февраля 1957 г. к Вере Буниной звучит и тема холодного отношения между Буниными и Зайцевыми: «Уверен, что и Вы, хоть и в “холодках” с ними – все-таки бедного Б<ориса> К<онстантиновича> пожалели» [Там же, с. 140]. В ответ на это стороннее мнение об их отношениях Вера Бунина 19 февраля 1957 г. (через два дня после получения от него письма) пишет Г. В. Адамовичу: «Болезнь Веры Алексеевны нас потрясла, я никогда не думала, что с этой стороны на нее грянет гром. <...> Ломаю голову, откуда достать им денег, знаю, что это такое» [Там же, с. 141]. В словах Веры Буниной чувствуется забота о подруге и ее семье. Несмотря на перерыв в общении и разрыв связи, душой они были по-прежнему близки.

По сравнению с «Повестью о Вере», в «Другой Вере. Повести временных лет» приведено больше писем Веры Зайцевой к подруге. Б. Зайцев только в самом начале каждой главы (кроме второй и четвертой) объясняет контекст переписки

подруг, чтобы текст повести выглядел последовательным и компактным. Кроме того, слова Б. Зайцева, стоящие перед письмами жены, в принципе играют роль предисловия, которое «как метатекстовый элемент задает определенную систему координат восприятия мемуаров для потенциального читателя» [Фарафонова, 2023, с. 64]. Письма в «Другой Вере. Повести временных лет» начинаются с 1922 г., когда Зайцевы еще были в Берлине. Перед тем, как приводить эти письма, Б. Зайцев описывает свою тяжелую болезнь, чудесное возвращение сознания, хлопоты по выезду за границу на выздоровление и т. п., что составляет фон переписки двух Вер. По замечаниям Б. Зайцева, введенным в письмо Веры Зайцевой за 20 июня 1922 г., узнаем, что финансовые проблемы не позволяют им ехать из Берлина в Париж к друзьям.

Кроме объяснения контекста переписки, примечания Б. Зайцева выполняют и другие функции: например, описывают физическое состояние письма, дополняют рассказы жены. Так, при описании листа письма с чернильным пятном Б. Зайцев предполагает, что «черное небольшое пятно, вероятно, от капнувшей слезы» (с. 396). В подстрочных сносках Б. Зайцев то описывает человека, о котором пишет жена подруге, то высказывает свое мнение о содержании письма. Например, Вера Зайцева пишет, что «Тэффи медленно угасает», а Б. Зайцев возражает: «Это оказалось неверным. Тэффи прожила еще 28 лет (1952)» (с. 409). Также Б. Зайцев и что-то добавляет к письмам жены, особенно когда речь идет о нем самом. В результате он начинает писать о себе. Вера Зайцева очень заботится о творческой деятельности мужа, она пишет подруге: «Из России очень мрачные известия. Там голод. А у нас в “Городке” все то же. <...> Книга Борина не вышла, и думаю, долго не выйдет» (с. 429). А в сноске к этим строкам Б. Зайцев добавляет, что «обошлось благополучно, вопреки пессимизму Веры» (с. 429).

Судя по письмам Веры Зайцевой, она общительная, открытая и симпатичная: «Веруня моя, кажется, сто лет не виделась!», «Веруня, я пишу все, что думаю, ты письма Ване не показывай, а то смеяться будет, что понять трудно», «Верун мой, любимый, как я хочу тебя и Ваню видеть. Проклятые деньги, из-за них не смогу приехать» (с. 398–400). В переписке с подругой Вера Зайцева часто рассказывает о своей бытовой жизни, о том, куда ездила, у кого была в гостях, и о московской жизни, о родных с большой тревогой.

В строчках писем Веры Зайцевой упоминаются многие представители русской эмигрантской литературы и культуры XX в.: Ю. И. Айхенвальд, К. Д. Бальмонт, Н. А. Бердяев, П. П. Муратов, М. А. Осоргин, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевич, Г. И. Чулков, И. С. Шмелев... Недаром к названию повести о Вере Зайцевой добавлен подзаголовок: «Повесть временных лет». Действительно, в письмах Веры Алексеевны предстает жизнь в России и за ее пределами в первой половине XX в.

«Повесть о Вере» заканчивается рассказом Б. Зайцева о смерти двух подруг, «Другая Вера. Повесть временных лет» – воспоминаниями писателя о жизни двух семей во время Второй мировой войны, которые проникнуты светлой памятью о жене. Повести о двух Верах являются не только краткими биографиями Веры Буниной и Веры Зайцевой, но и воспоминаниями Бориса Зайцева о своей жизни, когда все его близкие еще были живы. Вообще, письма имеют историческую ценность, когда в них сохраняется информация, и литературную ценность, когда информация в них обрабатывается [Ян Чжэнжун, 2009, с. 356]. Безусловно, эти две ценности реализуются в переписке двух Вер.

Из вышесказанного делается вывод, что повести Б. Зайцева о двух Верах раскрывают характеры Веры Буниной и Веры Зайцевой. Первая – сдержанная и смиренная, а другая – открытая и эмоциональная. Различие в характерах никак не мешает двум Верам изливать душу друг другу в эмиграции, чему во многом способствовали их дружба в молодости и общее религиозное восприятие мира. Обе они обладают православной душой, их волнует не только жизнь близких, но и судьба Родины, что очень привлекает Б. Зайцева. Читая письма двух Вер, Б. Зайцев вспоминает о себе и о своем окружении в молодости. Две Веры в творчестве Б. Зайцева – это, с одной стороны, реальные фигуры, которые писателю очень близки; с другой – они, как персонажи произведения, отражают знаковые события времени и субъективное восприятие этих событий самим писателем. Вспоминая о них, Б. Зайцев беседует с собой, обращается к своей памяти. Примечания и дополнения Б. Зайцева, проходящие сквозь всю переписку двух Вер, расширяют жанровый диапазон мемуарной повести, соединяя воспоминания самого писателя с личными письмами Веры Буниной и Веры Зайцевой, что придает мемуаристике Б. Зайцева синкретический характер и продуктивный потенциал для повествования, из которого выделяется художественная рецепция писателя.

Список литературы

- Баррингтон Дж.* Хуэйлилу сиздзуо [巴林顿. 回忆录写作 (第2版), 杨书泳译. 北京: 中国人民大学出版社]. Написание мемуаров. Чжунгуоженминдасюэ чубаньше, 2014. 170 с. (на кит. яз.)
- Бахрах А.* Бунин в халате. Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.
- Ван Чэнцзюнь.* Чжуаньцзи шисюэ [王成军. 传记诗学. 北京: 新华出版社]. Поэтика биографии. Синьхуа чубаньше, 2016. 262 с. (на кит. яз.)
- Дудина Е. Ф.* Б. К. Зайцев «Повесть о Вере»: к вопросу своеобразия художественного метода писателя // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2020а. № 2. С. 65–67.
- Дудина Е. Ф.* «Другая Вера. Повесть временных лет» Б. К. Зайцева как иллюстрация истории России начала XX века // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2020б. № 2. С. 68–70.
- Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.
- Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп.). 555 с.
- Зайцев Е. Н.* Борис Зайцев и Иван Бунин: история взаимоотношений // Творческое наследие И. А. Бунина: традиции и новаторство: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения И. А. Бунина (22–24 сентября 2005 г.). Орёл: Картуш, 2005. С. 116–121.
- И. А. Бунин: Новые материалы.* М.: Русский путь, 2004. Вып. 1. 584 с.
- Кириллова Е. Л.* Мемуарная проза русского зарубежья первой волны: К вопросу о жанре и метаяндре. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. 210 с.
- Кознова Н. Н.* Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 46 с.
- Колядич Т. М.* Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.

Литературное наследство / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. 1184 с.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: ПРОЗАиК, 2019. 560 с.

Николаева А. Б. Соизмеримость биографического опыта и герменевтического метода // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 2. С. 30–33.

Пономарев Е. Р. Переписка Буниных с Зайцевыми. 1920-е годы // Новый филологический вестник. 2021. № 4. С. 208–216.

Романов Д. А., Кучерова М. А. Особенности авторского нарратива в книге В. П. Катаева «Трава забвенья» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 314–327.

Фарафонова О. А. Предисловие как метатекстовый элемент мемуарного повествования (на материале русских мемуаров XVIII – начала XIX века) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 62–75.

Чукуева З. Н. Типологические характеристики жанра мемуарной литературы в контексте развития современной литературы non-fiction // Изв. Чечен. гос. пед. ун-та. Серия 1: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 43–48.

Шендерюк М. Г. Иван Бунин сквозь призму женского эго-нарратива // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 т. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 376–380.

Ян Чжэнжун. Сяндай чжуаньцзисюэ [杨正润. 现代传记学. 南京: 南京大学出版社]. Поэтика современной биографии. Нанкиндасуэ чубаньше, 2009. 655 с. (на кит. яз.)

References

Barrington J. 回忆录写作 (第2版) [Writing the memoir: from truth to art]. Yang Shuyong (Trans.). Beijing, Renmin Uni. of China Press, 2014, 170 p.

Bakhrakh A. *Bunin v khalate* [Bunin in house robe]. New York, Tovarishchestvo zarubezhnykh pisateley, 1979, 176 p.

Chukueva Z. N. Tipologicheskie kharakteristiki zhanra memuarnoy literatury v kontekste razvitiya sovremennoy literatury non-fiction [Typological characteristics of the genre of memoir literature in the context of the development of modern non-fiction literature]. *Bulletin of Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humane and social sciences*. 2020, no. 2, pp. 43–48.

Dudina E. F. B. K. Zaytsev “Povest’ o Vere”: k voprosu svoeobraziya khudozhestvennogo metoda pisatelya [B. K. Zaytsev “The tale of Vera”: revisiting the originality of the writer’s artistic method]. *Scientific notes of Orel State University*. 2020, no. 2, pp. 65–67.

Dudina E. F. “Drugaya Vera. Povest’ vremennykh let” B. K. Zaytseva kak illyustratsiya istorii Rossii nachala 20 veka [“Another Vera. A talk of time years” of the B. K. Zaytsev as an illustration of the history of Russia at the beginning of the 20th century]. *Scientific notes of Orel State University*. 2020, no. 2, pp. 68–70.

Elizavetina G. G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [The formation of the genres of autobiography and memoirs]. In: *Russkiy i zapadno-evropeyskiy klassi-*

tsizm. Proza [Russian and Western European classicism. Prose]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 235–263.

Farafonova O. A. Predislovie kak metatekstovyy element memuarnogo povestvovaniya (na materiale russkikh memuarov 18 – nachala 19 veka) [Preface as a meta-textual element of memoir narrative (a case study of the Russian memoirs of the 18th – early 19th century)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2023, no. 4, pp. 62–75.

I. A. Bunin: *Novye materialy* [Ivan Bunin: New data]. Moscow, Russkiy put', 2004, iss. 1, 584 p.

Kirillova E. L. *Memuarnaya proza russkogo zarubezh'ya pervoy volny: k voprosu o zhanre i metazhanre* [Memoir prose of the Russian diaspora of the first wave: on the question of genre and meta-genre]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni. Press, 2019, 211 p.

Koznova N. N. *Memuary russkikh pisateley-emigrantov pervoy volny: kontseptsii istorii i tipologiya form povestvovaniya* [Memoirs of Russian emigrant writers of the first Wave: concepts of history and typology of narrative forms]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2011, 46 p.

Kolyadich T. M. *Vospominaniya pisateley: problemy poetiki zhanra* [The memoirs of writers: problems of genre poetics]. Moscow, Megatron, 1998, 276 p.

Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. O. A. Korostelev, S. N. Morozov (Ed., comp.). Moscow, IWL RAs, 2019, vol. 110: I. A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniya* [I. A. Bunin. New materials and research], bk. 1, 1184 p.

Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [The life of Bunin. Conversations with the memory]. Moscow, PROZAIK, 2019, 560 p.

Nikolaeva A. B. Soizmerimost' biograficheskogo opyta i germeneyticheskogo metoda [The combinance of biographical experience and the germaneytic method]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2018, no. 2, pp. 30–33.

Ponomarev E. R. *Perepiska Buninykh s Zaitsevymi. 1920-e gody* [Correspondence of the Bunins and the Zaitsevs. 1920s]. *The New Philological Bulletin*. 2021, no. 4, pp. 208–216.

Romanov D. A., Kucherova M. A. Osobennosti avtorskogo narrativa v knige V. P. Kataeva "Trava zabven'ya" [Features of the author's narrative in V. P. Kataev's book "The Herb of Oblivion"]. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2023, no. 1, pp. 314–327.

Shenderyuk M. G. Ivan Bunin skvoz' prizmu zhenskogo ego-narrativa [Ivan Bunin through the prism of the female ego-narrative]. In: *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy Mezhdunar. nauch. konf.: V 2 t.* [Private and public in daily life of the population of Russia: history and present. Materials of the Intern. sci. conf.: in 2 vols.]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University, 2018, vol. 2, pp. 376–380.

Wang Chengjun. *传记诗学* [The poetics of biography]. Beijing, Xinhua Press, 2016, 262 p.

Yang Zhengrun. *现代传记学* [A modern poetics of biography]. Nanjing, Nanjing Uni. Press, 2009, 655 p.

Zaitsev B. K. *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, Russkaya kniga, 1999, vol. 6, 555 p.

Zaitsev E. N. Boris Zaitsev i Ivan Bunin: istoriya vzaimootnosheniy [Boris Zaitsev and Ivan Bunin: the history of relationships]. In: *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: traditsii i novatorstvo: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 135-letiyu so*

dnya rozhdeniya I. A. Bunina (22–24 sentyabrya 2005 g.) [The creative legacy of I. A. Bunin: traditions and innovation: Proceedings of the International scientific conf., dedicated to the 135th anniversary of the birth of I. A. Bunin (September 22–24, 2005)]. Orel, Kartush, 2005, pp. 116–121.

Информация об авторе

Чжан Юйвэй, кандидат филологических наук, доцент, Чжэнчжоуский университет (Чжэнчжоу, Китай)

Information about the author

Zhang Yuwei, Candidate of Philology, Assistant Professor, Zhengzhou University (Zhengzhou, China)

*Статья поступила в редакцию 09.08.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 18.07.2024
The article was submitted on 09.08.2023;
approved after reviewing on 18.07.2024; accepted for publication on 18.07.2024*